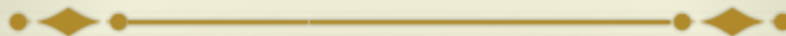

« Театрализованный реализм» прозы Довлатова

«Жизнь без помпы и парада...»

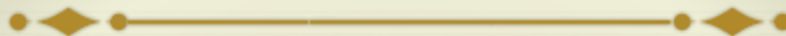

Рассказчик действует на уровне голоса и слуха. Прозаик - на уровне сердца, ума и души. Писатель - на космическом уровне.

Рассказчик говорит о том, как живут люди. Прозаик - о том, как должны жить люди. Писатель - о том, ради чего живут люди.

Я не уверен, что считаю себя писателем. Я хотел бы считать себя рассказчиком. Это не одно и то же.

«Обидеть Довлатова легко, а вот понять
его трудно...»

«Можно благоговеть перед умом Толстого.
Восхищаться изяществом Пушкина. Ценить
нравственные поиски Достоевского. Юмор
Гоголя. И так далее. Однако похожим быть
хочется только на Чехова»

С. Довлатов

« На мажорный лад настраивают
печальные -- сплошь! -- сюжеты его прозы. В них
есть какая-то **нераскрываемая**
тайна, тайна кристально блестящей яркости
текста. Лежит она в области
художественной этики автора.»

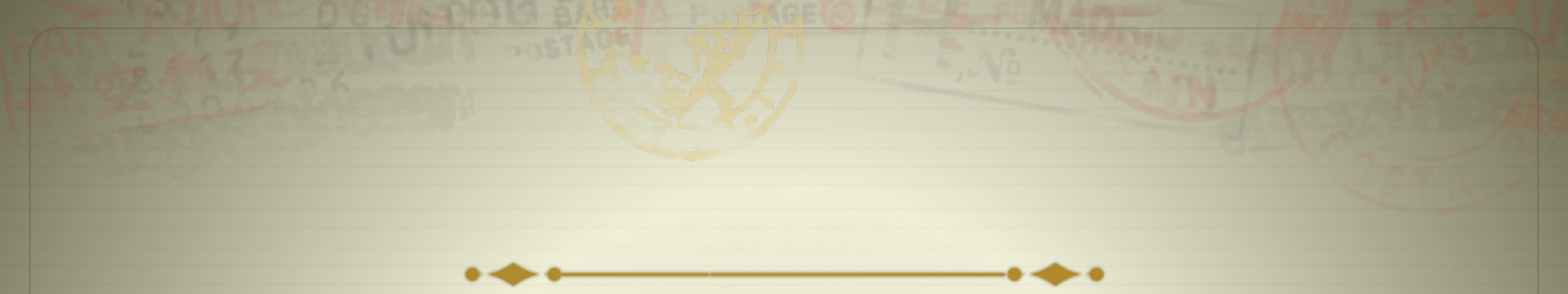
ТЕАТРАЛИЗОВАННЫЙ РЕАЛИЗМ

А.Арьев

PAR AVION

«ЭМИГРАНТЫ»1985

-
- ò НАЗВАНИЕ. ЖАНР. ЭПИГРАФ
 - ò КОМПОЗИЦИЯ. ПЕЙЗАЖ.
 - ò ГЕРОИ. ДИАЛОГ
 - ò ЯЗЫК (РИТМ. ЗВУК, СЛОВО, ФРАЗА, ДОКУМЕНТ И ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ)

Реализм. Театрализованность.

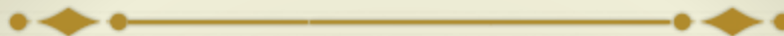
Реализм представляет собой направление в литературе и искусстве, правдиво и реалистично отображающее типичные черты действительности, в котором отсутствуют различные искажения и преувеличения. Данное направление следовало за романтизмом, и было предшественником символизма.

Его последователи резко отрицали использование в литературных произведениях каких-либо изощренных приемов, мистических веяний и идеализации персонажей.

Театр Композиционно довлывающее повествование разделено не на главы, а на абзацы, на микроновеллы. Как в чеховском театре, граница между ними пауза. Любая из них грозит оказаться роковой -- какой бы веселый, напрашивающийся эпизод она ни включала. (А.Арьев)

Эмигранты (1985)

(Путеводитель)

Район Новая Голландия – один из живописных уголков Ленинграда...

Солнце вставало неохотно. Оно задевало фабричные трубы. Бросалось под колеса машин на холодный асфальт. Блуждало в зарослях телевизионных антенн. В грязном маленьком сквере проснулись одновременно Чикваидзе и Шаповалов. Ах, как славно попито было вчера! Как громко спето! Какие делались попытки танца! Как динамичен был замах протезом! Как интенсивно пролагались маршруты дружбы и трассы взоров! Как был хорош охваченный лезгинкой Чикваидзе! (Выскакивали гривенники из карманов, опровергая с легким звоном примат материи над духом.) И как они шатались ночью, поддерживая сильными боками дома, устои, фонари... И вот теперь проснулись на гряде щебня...

Тема ЭМИГРАЦИИ

Это письмо дошло чудом. Вывезла его из Союза одна героическая француженка. Храни ее Бог, которого нет... Из Союза она нелегально вывозит рукописи. Туда доставляет готовые книги. Иногда по двадцать, тридцать штук. Как-то раз в ленинградском аэропорту она не могла подняться с дивана. А мы еще ругаем западную интеллигенцию... Вот это письмо. Я припускаю несколько абзацев личного характера. И дальше:

«Твоя эмиграция - не частное дело. Иначе ты не писатель, а квартиросъемщик. И несущественно где - в Америке, в Японии, в Ростове...

Ты вырвался, чтобы рассказать о нас и о своем прошлом. Все остальное мелко. Все остальное лишь унижает достоинство писателя. Хотя растут, возможно, шансы на успех.

Ты ехал не за джинсами и не за подержанной автомашиной. Ты ехал - рассказать. Так помни же о нас...

«Псевдодокументализм» прозы С. Довлатова. *Название. Жанр. Эпиграф.*
Пейзаж. Герои. Язык (тропы и синтаксис)

Эмигранты (Путеводитель)

Район Новая Голландия – один из живописных уголков Ленинграда...

Солнце вставало неохотно. Оно задевало фабричные трубы. Бросалось под колеса машин на холодный асфальт. Блуждало в зарослях телевизионных антенн.

В грязном маленьком сквере проснулись одновременно Чикваидзе и Шаповалов.

Ах, как славно попито было вчера! Как громко спето! Какие делались попытки танца! Как динамичен был замах протезом! Как интенсивно пролагались маршруты дружбы и трассы взоров! Как был хорош охваченный лезгинкой Чикваидзе! (Выскакивали гривенники из карманов, опровергая с легким звоном примат материи над духом.) И как они шатались ночью, поддерживая сильными боками дома, устои, фонари... И вот теперь проснулись на грудe щебня...

Шаповалов и Чикваидзе порылись в складках запачканной мятой одежды. Был извлечен фрагмент копченой тюльки, перышко лука, заржавевший огрызок яблока. Друзья молча позавтракали.

Познакомились они недавно. Их сплотила драка около заведения шампанских вин. В тесноте поспориться недолго. Обувь летняя, мозоли на виду.

– Я тебя зарезу! – вскричал Чикваидзе. (Шаповалов отдал ему ногу.)

– Не тебя, а вас, – исправил Шаповалов. Затем они долго боролись на тротуаре. И вдруг Чикваидзе сказал, ослабив пальцы на горле Шаповалова:

– Вспомнил, где я тебя видел. На премьере Тарковского в Доме кино...

С тех пор они не расставались.

Герои

"Лишние люди" -- традиционные герои классической русской литературы -- были подвергнуты остракизму и критикой, и общественным мнением.

Казалось бы, навсегда. В рассказах Довлатова "лишний человек" проснулся от столетней летаргии и явил миру свое заспанное, но симпатичное лицо.

Герои

..

Аутсайдеры Довлатова -- без всяких метафор -- лишние в нашем

цивилизованном мире существа. Они нелепы с точки зрения здравых смыслов и мнений. И все-таки они -- люди. Ничем не

уступающие в этом звании своим интеллектуальным тургеневским предтечам.

Автор и герои

Довлатовские персонажи могут быть нехороши собой, могут являть самые дурные черты характера. Могут быть лгунами, фанфаронами, бездарностями, косноязычными проповедниками... Но их душевные изъяны всегда невелики -- по сравнению с пороками рассказчика.

... тот, кто считает лишь свои (на самом деле, конечно, благоприобретенные) воззрения истинными, никогда не подвергая их сомнению, нечист духом в большей степени, чем последний доходяга у пивного ларька.

Диалог.

Дома обступили маленький сквер. Бледное солнце вставало у них за плечами. Остатки ночной темноты прятались среди мусорных баков. Друзья поднялись и вышли на улицу, залитую робким апрельским солнцем. – Где мы находимся? – обращаясь к первому встречному, спросил Чикваидзе.

– В Новой Голландии, – спокойно ответил тот. Качнулись дома. Запятнанные солнцем фасады косо поползли вверх. Мостовая, рванувшись из-под ног, скачками устремилась к горизонту.

– Ничего себе, – произнес Шаповалов, – хорошенькое дело! В Голландию с похмелья забрели!

– Беда, – отозвался Чикваидзе, – пропадем в незнакомой стране!

– Главное, – сказал Шаповалов, – не падать духом. Ну, выпили. Ну, перешли границу. Расскажем все чистосердечно, может, и простят...

– Я хочу домой, – сказал Чикваидзе. – Я не могу жить без Грузии!

– Ты же в Грузии сроду не был.

– Зато я всю жизнь щи варил из боржоми. Друзья помолчали. Мимо с грохотом проносились трамваи. Тихо шептались постаревшие за ночь газеты.

Диалог

Довлатов и сам был вдохновенным виртуозом беседы, и его герои проявляют себя преимущественно в диалоге. герои проявляют себя преимущественно в диалоге. Через диалог высвечивается их характер, в диалоге сквозит их судьба.

Мир в прозе Довлатова дан в смеховом ракурсе, отсюда анекдотичность, комизм ситуаций

— Обрати внимание! — закричал Чикваидзе. — Вот изверги! Чернокожего повели линчевать!

И верно. По людной улице, возвышаясь над толпой, шел чернокожий. Его крепко держали под руки две стройные блондинки...

— Будем тайком на родину пробираться, — сказал Чикваидзе.

— Беднейшие слои помогут, — откликнулся Шаповалов.

Они перешли мост. Затем миновали аптеку и пестрый рынок.

— Противен мне берег турецкий, — задушевно выводил Чикваидзе.

— И Африка мне ни к чему, — вторил ему Шаповалов.

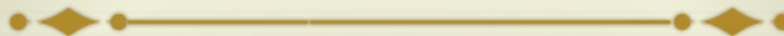
Друзья шли по набережной. Свернули на людную улицу. Поблескивали витрины. Таяло мороженое. Улыбались женщины и светофоры.

С. Довлатов писатель экзистенциального плана, отсюда абсолютизация индивидуального, отсюда и «идея человека самого по себе на отшибе и в чистом виде» (И. Бродский).

- Посмотри, благодать-то какая! – неожиданно воскликнул Шаповалов.
- Живут неплохо, – поддакнул Чикваидзе.
- А как одеты!
- Ведь это – Запад!
- Кругом асфальт! Полно машин! А солнце?!
- Еще бы! Тут за этим следят! Возникла пауза. Ее нарушил Шаповалов.
- Датико, я хочу с тобой поговорить.
- И я.
- А ты презирать меня не будешь?
- Нет. А ты?
- Может быть, того... Ну, как его?.. Убежища попросим... Опять же, частная торговля...
- Ночные рестораны!
- Законы джунглей!
- Торжество бездуховности!
- Ковбойские фильмы!
- Моральное и нравственное разложение! – зажмурился Чикваидзе...

Конфликт

Вот и персонажи довлатовской прозы глядят на читателя ярко, как бы с экрана. Чередование сцен, монтаж их подчинен законам музыкальной импровизации. Упрощая, сводя довлатовские вариации к единой теме, обозначим

ее так: **судьба человека "с душой и талантом" в нашем абсурдном мире.**

О « Письме отцу Кафки»

"Да, да, помнишь, что он там говорит? «

Отец! Каждое утро, опуская ноги

с дивана, я не знаю, зачем мне жить дальше..." Каждое утро! О!.. О!..

Абсурд и норма

Через минуту друзья, обнявшись, шагали в сторону площади. Там, достав из кобуры горсть вермишели, завтракал блюститель порядка, расцветкою напоминавший снегиря.

Абсурд и норма

Антиномиями довлатовской прозы являются понятия "норма" и "абсурд". Иногда прозаик называет мир "абсурдным", но иногда -- "нормальным".

Гротеск

В отклике на смерть Довлатова Лев Лосев написал об этом: "Есть такое английское выражение "larger than life", "крупнее, чем в жизни". Люди, их слова и поступки в рассказе Довлатова становились "larger than life", живее, чем в жизни. Получалось, что жизнь не такая уж однообразная рутина, что она забавнее, интереснее, драматичнее, чем кажется. Значит, наши дела еще не так плохи".

Язык

Иосиф Бродский

«Сережа был прежде всего замечательным стилистом. Рассказы его держатся более всего на ритме фразы; на каденции авторской речи. Они написаны как стихотворения: сюжет в них имеет значение второстепенное, он только повод для речи. Это скорее пение, чем повествование, и возможность собеседника для человека с таким голосом и слухом, возможность дуэта — большая редкость.

Сережа при этом еще и улыбался.

Каденция — типичный гармонический оборот в конце того или иного раздела музыкальной формы. **Каденция** в музыкальном исполнении — виртуозное соло, то же, что исполнительская **каденция**.

Язык

Арьев: Ни один из читателей не обвинит Довлатова в ненатуральности диалогов его книг или в рассудочном обращении с языком в целом. Между тем тот факт, что у Довлатова нет ни одного предложения, где слова начинались бы с одинаковых букв, свидетельствует о принципиальной и полной сконструированности текста. Конструкция эта максимально свободная, потому что из нее выделены все чужеродные прозе элементы -- от поэтических аллитерированных эффектов до произвольной фонетической тавтологии застольных и уличных говоров, Петр Вайль и Александр Генис пишут по этому поводу: "Довлатов затруднял себе процесс писания, чтобы не срываться на скоропись»